

Александра Уба

Қақ қолдунами сщановящся

Александра Уба

Как колдунами становятся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69131203

SelfPub; 2023

Аннотация

В Крутой Яр, что на болотах, пришла беда. Поселилось среди топей лихо красноглазое, что детей утаскивает. То сына пекарши Настасьи умыкнет, то детей бортника – славных близняшек пяти годков от роду. Выход один – обратиться за помощью к молодому ученику колдуна – Огньяру. Но вот беда – ученик-то нерадивый, из рук все валится да ни одно дело не спорится. И теперь на Огньяра ложится ответственная миссия: известить лихо, попытаться вернуть детей и, самое главное, – научиться быть хорошим колдуном.

Содержание

Александра Уба

Как колдунами становятся

Это был уже второй год, когда Огньяр не успевал приготовиться к осенинам. С тех пор, как наставник его, знаткой Волемир, ушел к лучшим людям в бою с упырями, что на не по правилам захороненного младенца подтянулись, у него все валилось из рук. Руны обережные на бортях выходили такими кривыми, что отдавать было совестно, да и Огньяр даже не был уверен, что работать они будут, как надо; сено торчало из обережных кукол так, что они щетинились, словно ежи, а травы, которые Огньяр собирал и под проливным дождем, и в полнолуние у русальей реки, не сворачивались, а гнили и чернели. Ругал себя Огньяр, не переставая. Почему не был он прозорливее да повнимательнее, когда Волемир его уму-разуму учил? Все надеялся, на то, что наставник подскажет, приглядит, поможет, да так без собственных знаний и остался. Понимал же, что колдуны своей смертью не помирают, и происходит это всегда неожиданно – почему не был поусерднее?

Может, был бы он не один, работа бы лучше двигалась. Знаткой из деревни за лесом, Филипп Егорович, вон, двух учеников себе взял – Дара, дальнего родственника старосты деревни Дарьяны, да девчонку какую-то городскую, молоденьку, говорят, совсем. С Даром Огньяр был знаком – ви-

дались на ярмарках, когда все деревни уезда товарами обменивались. Да от того хуже – Дар был на несколько лет младше Огньяра, а смышленный – на зависть. И травы с ним как будто сами разговоры вели. Недо-знаткой вздохнул, щелчком отправил в глиняную миску очередную ягоду клюквы – погрызла ее какая-то падаль, хорошо хоть проверил, а то и продал бы такую, полусъеденную. Да и Волемир не был к нему так же ласков, как дед Филипп к своим ученикам: те сердечно называли его “дедко”. А ведь Огньяр жил у Волемира с самого детства, ровно с тех самых пор, как мамка с батюшкой померли от оспы. Оголодавший и почти одичавший Огньяр тогда пробрался в лавку, в которой Волемир обереги продавал, хотел стащить парочку, чтобы сбыть да монетами разжиться – тут-то его ведун и сцапал. Хворостиной мокрой сначала отходил так, что ни сидеть, ни спины согнуть несколько дней подряд не выходило, а потом смягчил сердце и взял мальчишку к себе помощником.

Отвлек от дум невеселых его стук в дверь да гомон на крыльце. “Опять жаловаться пришли, что столбушка жениха не привела”, – в сердцах подумалось Огньяру. Дверь, открываясь, натужно скрипнула. К дому знаткого стянулась почти вся деревня: бабы с босоногими детьми, мужики да совет деревенский, во главе которого шел староста Ефрем Порфирьевич.

– Бог в помощь, Огньяр Богданович, – староста сдвинул на затылок побитую молю шапку.

– Помогай господь, – эхом отозвался Огньяр, разглядывая гостей. Без факелов, вроде, пожаловали, значит, жечь за помощь неудавшуюся не собираются...

– Мы к тебе вот по какому делу, – Ефрем замялся, пригладил сначала бороду, затем начал рассеянно разглаживать на груди рубаху. – Слышал, небось, лихо у нас на болотах завелось, детей уводит...

– Так это черти болотные, – пожал плечами Огньяр. – За огнями, небось, сами идут. Поучать надо сызмальства, мамаша, – он перевел глаза на ближайшую из баб, за чьей юбкой пряталась девчонка с косичками, торчавшими из-под грязного зеленого платка.

– Нет, не то, – сочным басом прогудел охотник Назар – детина ростом не менее пяти локтей. – Болотники мирные. Бывает – барагозят, да не задавили еще никого. А тут недавно вот совсем ходили мы с моей Аксинькой по ягоды – все как обычно было. А тут раз – и идет она в самую трясиину, тихонько так, а глазищи пустые-пустые, будто ведет ее кто-то. Я за ней, схватил – а она не отвечает, лишь вперед тянется. Ну я ее на плечо закинул, с болот припустил, как только не увязли... А тут как не то завоет, не то заплачет – не разберешь, да страшно так – небось не понравилось ему, что я Аксиньку спас. Да только спас ли? Как вернулась, она сама не своя: не ест, не разговаривает, сидит в одну точку смотрит, благо хоть слюни не пускает...

Огньяр действительно слышал о пропавших детях и рань-

ше. То пацаненок Настасьи с пекарни ушел в болота за единственной козой и не вернулся. А коза вернулась. То дети бортника – брат с сестрой – утопли, когда заигравшись тайком сошли с протоптанной дорожки. Слышал Огньяр также, что собирались деревенские мужики с вилами выяснять, что за тварь лихая детей их таскает, но проплутали до ночи, продрогли в болотном тумане, да так никого и не нашли. Но Огньяр не придавал этому значения: откуда на болоте лихо? Свои там хозяйева есть – болотники, которые играясь заманивают несознательных селян блуждающими огоньками к себе. Люди постарше посметливее, а дети – топнут, ничего в этом странного нет. Но рассказ Назара насторожил знаткого.

– А мастера почему не пригласили? – поинтересовался он у старосты.

– Ишь чего удумал! – визгливо выкрикнула из толпы какая-то баба.

Огньяр приподнял брови. Ефрем Порфирьевич шикнул через плечо, стянул шапку и начал тискать ее в руках.

– Так знаете ж, каковы те мастера, – крикнул он наконец. – Цену запросят неподъемную, а вдруг и еще чего – корову последнюю, девку, да че да¹... Да и ежели даже соберем по сусекам монет, а мастера того потом тварь болотная схарчит, кто нам их потом вернет? Так что мы эти рубли лучше тебе отдадим, а ты нам оберегов от лиха того наделаешь.

Это звучало заманчиво, но даже не потому, что за глиня-

---

¹ Да че да – в пермском говоре – и так далее

ные бусины с рунами Огньяр мог заработать целое состояние. Конечно, шанс, что все пойдет наперекосяк был огромный, но если ему удастся выяснить, что за лихо завелось на болоте – а уж тем более, если ему удастся его извести, – не только деньги – почет ему на всю жизнь будет обеспечен.

– Погляжу я, что за тварь детей под воду тягает, – решил Огньяр. – Заодно решу, какие обереги мастерить. А может и ясно станет, как ее одолеть.

Крестьяне одобрительно загудели, бабы запричитали, вскидывая руки в крестном знамении. Народ потихоньку начал расходиться.

Огньяр вернулся в горницу, кинул взгляд на чашки с клюквой и от души выругался: отвлекшись на жалость к себе, он перепутал чашки – целая клюква смешалась с порченной, и теперь надо было потратить столько же времени, чтобы все исправить.

*****

Следующий вечер подходил для ритуала знакомства с нечистью как нельзя лучше: в первый день новолуния лихо было почти бессильно. Почти – на малые пакости, типа напугать потусторонним смехом старуху в бане, или молодую девку на речке за ягодицу холодной рукой схватить, его хватало.

Готовился Огньяр тщательно, очень уж не хотелось ударить в грязь лицом. Да и мало ли какая тварь его на той сто-

роне поджидала. Он несколько раз подкрутил фитиль у свечей, достал сразу четыре мелка на случай, если один сломается. Весь день Огньяр только и делал, что бормотал заговоры, чтобы они от зубов отлетали, а когда солнце окончательно спряталось за горизонтом и лес за окном избушки почернел, он начал готовиться к ритуалу.

Из печки раздалось шуршание, и из устья выполз домовый в красной дымящейся рубахе. Оставив свое занятие, Огньяр подошел к берестяному коробу, где хранился хлеб, отломил добрый кусок от вчерашней краюхи и положил на самое маленькое блюдце. В другое такое же он налил немного шишкового варенья, принесенного одной из деревенских теток в благодарность за то, что корове помереть от сглазу не дал. Домовой (Огньяр звал его Митяем) огляделся, принял угощение молчаливо; усевшись у блюдце, он покрутил их, раскрошил хлеб и начал есть, причмокивая и макая крошки в варенье. Митяя Огньяр любил. Хотя, “любил” – не совсем то слово. Он ему сочувствовал. Не только он натерпелся от Волемира зуботычин, домовому тоже досталось. Сам знаткой никогда об этом не рассказывал – Огньяр узнал об этой истории от вазилы². Она ходила между навьими, как страшная сказка, какими люди пугают детей. Огньяр бы не удивился, если бы узнал, что нечистики и свою малышню стращали деревенским колдуном.

Волемир был человеком жестким, не терпящим непови-

---

² Вазила – в славянской мифологии домашний дух, заботившийся о лошадях.

новения. Как он оказался в Крутом Яре, никто не знал. Говаривали лишь, что появился он в конце осени, а за ним пришли жгучие морозы, от которых деревья в лесу трещали. Митяй достался ему “по наследству”, вместе с хатой, в которую и поселили знаткого.

Волемир дело свое знал и брался за любую работу: по просьбе селянина на соседскую жену килу³ накидывал за то, что на сеновал с ним отправиться не захотела, а потом сам же ее и лечил – уже за деньги ее мужа.

И пришла как-то к Волемиру девица одна, из соседней деревни. А идти было, почитай, верст тридцать, и все это по болотам да снежным лесным переметам. Просила она знаткого, чтобы глянул он на судьбу их с суженым ее. Что делал в тот момент Митяй – каждый говорит разное: кто-то – что хлеб пек, да тот пригорел, кто-то – что пол мел, а Волемир от пыли расчихался, отвлекся да заговор неверно произнес, да все одно: вышло так, что знаткой проклял своего домового – непонятно, то ли в сердцах, то ли умышленно, – хлопнул в ладоши – и Митяй оказался в лесу, далеко-далеко от дома. А домовым вдали от своей избы, как известно, долго не протянуть. Блуждал Митяй по заснеженному лесу, почитай, весь день. Силы его иссякали стремительно, как вода сквозь пальцы утекали. Собрался он уже помирать, осенил себя ведьминским знаком – но подхватили его лесные черти,

---

³ «Кила» у пермяков – грыжа, опухоль или другая болезнь, насылаемая колдуном на человека или животное.

что по приказу хозяина за домовым наблюдали. Хотя и недолюбливали друг друга домашние духи и духи лесные, не мог Ворса⁴ собрата на погибель оставить. Принесли черти Митя в дом, что стоял поодаль от остальных: заходить глубже в деревню им не хотелось – мало ли, вдруг колдун, что Митя выгнал, и их изведет. Начали тамошнего домового кликать и поняли, что нет его там. Исчезли черти в вихре, появились на пороге второй избы, уже ближе к деревне. Открыла им бабища в три объёма.

– Не надо нам нечисти в доме! – рывкнула она неожиданно тоненьким, девичьим, голосом на робкие просьбы оставить домового у печи хоть ненадолго – пока за хозяином сбегает. – Идите в свои топи болотные да там и грейтесь!

– Попробуй только кого за ягодами летом послать, – в сердцах пообещал один из чертей, – не вернутся!

Таскали лешаки Митя от дома к дому, но им то не открывали вовсе, то мигом захлопывали дверь, едва услышав имя Волемира.

– Так это ейвойный, че ли? – тарасили глаза деревенские. – Не пуцу! Еще потом самим, как душегубам, ответ держать, ежели помрет!

Так оказались лешаки у дома, где совсем малой тогда Огньяр со своими родителями да бабкой Авдотьей жил. Она то и приняла Митя, не побоявшись ни его хозяина-колдуна, ни отца Огньяра, который нечисть не жаловал. Обогре-

---

⁴ Ворса – мифологический персонаж пермяков, леший

ла, накормила бедного домового, и даже когда Волемир, поостыв, сам за ним пожаловал, отдавать не хотела. Но пришлось: негоже домовому не в своей избе жить.

А потом пришла на деревню снежная буря. Длилась она несколько дней, выдувала тепло из изб, не давала шагу ступить на порог, чтобы за дровами сходить. А вот дом Авдотьи стихия словно пощадила: Огньяр помнил, как по-странному неспешно прогорали тогда дрова, а снег не замел тропки в их дворе.

Варенье в блюдечке Митяя кончилось. Он облизал пальцы, залез в корзину с бельем и принялся за штопку. Подвинув ему свечу поближе, Огньяр вернулся к ритуалу.

Первым делом он очертил на полу избы два меловых круга, наполнил знаками-глифами, вливая в них силу через заговоры. За кругом плотно друг к другу поставил свечи и зажег. Воздух наполнился сладковатым запахом жира, от свечей потянуло тоненькими струйками черного дыма... В середину круга Огньяр подтащил стол, водрузил на него зеркало. Поставил еще свечи: одну – за зеркалом, одну – перед. Достал из-под подушки еще одно зеркало, завернутое в тряпицу, бережно развернул и сел за стол. Осенив себя крестным знаменем, знаткой бегло прочел “Отче наш” – и заговор на удачу. Лишним не будет.

Уныло потекли слова заговора. Парень старался вспомнить слова наперед, чтобы не было запинок. Направив маленькое зеркало на большое, он взгляделся в мерцание све-

чи в отражении. Сначала ничего не происходило. В какой-то момент Огньяру показалось, что он опять что-то напутал, и уже начал было в голове прокручивать заговор, что производил, но заметил, как пламя в в зеркальной глади потускнело, размылось. Рефлекторно моргнув, знаткой глянул на самую свечу: та трепетала, вторя его шепоту и вдохам. Он снова перевел взгляд на отражение. Огонек терял очертания все сильнее, вытягивался и принимал очертания далеких деревьев. Огньяр определенно видел лес – немного размытый, но вполне различимый. Точно такой же вокруг деревни стоял – низкий, чахлый, тянущий силу из зыбких болотных топей. К лесу вела тропка, на которой отпечались следы – четкие и темные, будто золой присыпанные. Огньяр склонился ниже, потянулся духом к следам, приказывая им вести его за собой. Картинка качнулась, поплыла навстречу. Из углов избы поползли холод и мрак – липкие, противно шевелящиеся – точно живые. Силой воли Огньяр заставил себя не сводить взгляд с призрачной тропы – и прямо под окном раздался оглушительный кошачий мяв – противный и гундосый. Подпрыгнув от неожиданности и едва не выронив зеркало, которое держал в руках, Огньяр в сердцах сплюнул.

– Митяй! Прогони-ка гостя, – кликнул он домового и прижал руку к груди, придерживая норовившее выпрыгнуть сердце. Митяй отложил шитье, выполз из корзины, ухватил кочергу, которая была в несколько раз больше и тяжелее его, и с грохотом поволок ее к выходу.

Когда все снова стихло, Огньяр вернулся к ритуалу. Тени, расплзшиеся было по своим углам, снова потянулись к знаткому, что напряженно вглядывался в черные вмятины следов в зеркальном мире. Вот он уже у кромки леса. Голые деревья переплетались, словно могильная ограда. Откуда-то донесся звук барабанов. Сердце снова зашло, заметалось, как перепуганный до полусмерти заяц. К ритму барабанов вплелась флейта – пустая и воистину потусторонняя, она напевала медленную мелодию, погружая в транс и заставляя все ниже склоняться к зеркалу. Мелодия то ускорялась, то снова кружилась неспешно, разрасталась и захлебывалась. Силясь стряхнуть морок, Огньяр протер глаза одной рукой – и столкнулся взглядом с алыми всполохами глаз черной фигуры с раскидистыми рогами, на которых поблескивали золотые нити. Ужас ледяными каплями покатился по спине – навья тварь смотрела прямиком на него сквозь твердь зеркала. В воздухе потянуло запахом гниющей плоти. Огньяр ринулся вперед, чтобы разглядеть того, кто был темнее самой ночи – и стук в дверь, прервавший ритуал, с такой силой дернул его в явь, что аж челюсть клацнула. Флейта тут же перестала играть. Вдохнув, Огньяр растерянно огляделся. Тени, нависшие над ним, поспешно разбежались. Встав, знаткой почувствовал, что ноги замерзли так сильно, будто он на самом деле босиком шел по лесной тропке.

За дверью оказался охотник Назар с миской пельменей в руках.

– Бог в помощь, – он неловко качнул головой – не то поклонился, не то просто поздоровался.

– Помогай Господь, – откликнулся Огньяр и, бросив взгляд в ночную темень, внутренне содрогнулся. Казалось, тьма смотрит на него в ответ.

– Жена вот вам гостинец собрала, – Назар сунул в руки знаткому миску. – Мы о чем попросить хотели... Не глянешь ли дочурку нашу, Аксиньку? От сердца не на месте, – Назар красноречиво и гулко ударил себя кулаком по груди. Огньяр вздрогнул: от такой силы сердцу и впрямь немудрено было куда-нибудь сместиться. – Мы ее в церковь отвели – ей там полегше становится, хоть говорить начинает. Так и сидят там и день, и ночь с женой, Дунькой.

– Гляну, – кивнул знаткой. Смысл в этом был: вдруг бы Аксинька рассказала, кто ее в лес звал? Может, фигура с алым взглядом? Или бесова флейта?

Назар, кажется, выдохнул.

– Ну да и ладненько, – он нахлобучил на голову шапку. – Ну, тады пойду я. Только ты это... – Назар окинул Огньяра нехорошим взглядом. – Ты ежели над Аксинькой награть-ся⁵ будешь, я тебе ноги вырву и обратным концом на место приделаю, – охотник погрозил парню пальцем и отправился восвояси, напоследок напустив в избу морозного воздуха.

Огньяр ринулся обратно к зеркалам, сменил свечу, торопливо зашептал заговор. Он не знал, чего хотел увидеть. И

---

⁵ Награться – насмеяться

может, именно поэтому зеркало на этот раз отражало лишь солнечно-яркое пламя свечи.

Несколько опечалившись, Огньяр задул свечи, перекрестился, стер с пола ритуальные круги. Из сундука он вытащил книги Волемира, в которых тот чудищ всяческих описывал – и тех, кто по земле ходит, и тех, кто по воздуху летает, и тех, кто под водой прячется. Почти до полуночи он просматривал записи и картинки, но среди них не было никого настолько страшного и рогатого. Рогатые, конечно, были – лесовые, шишиги пакостные, но с многими Огньяр встречался. Шишиги разбегались с воплями, едва завидев колдуна, а лешаки без особых причин не барагозили. Слова нечистые не любили – это да. А так...

Огньяр закрыл последнюю книгу, сложил обратно в сундук да спать лег – утро вечера мудренее. Но большую часть ночи он так и провертелся с боку на бок на печи, прислушиваясь то к возне Митяя, то к порывам внезапно поднявшегося ветра.

А на утро, едва солнце позолотило верхушки елей далекого леса, отправился в церковь.

Молчаливо возвышалась над Огньяром церковь. Он окинул взглядом деревянные купола. В этих стенах прошло много столетий и поколений, наполнив их мудростью и величием. У крыльца над маленькими грядками, где до поздней осени выращивали лекарственные травы, трудилась женщи-

на – пышная, в теле, в подвернутом переднике и платке, завязанном под горлом. Это и была Дуня, жена охотница Назара.

– Бог в помощь, – Огньяр приблизился.

– Помогай Господь, – разогнула спину Дуня. – Я тебя, колдун, кажись, не звала... – она окинула Огньяра цепким взглядом.

– Меня супружник твой, Назар, позвал. Просил с дочкой вашей поговорить. Может, помогу чем...

– А-а-а, – с сомнением протянула Дуня. – А не ты ли в прошлом годе пытался суховеи утихомирить? Дак че-то не вышло у тебя, всю пшеницу поыветрило. А теперь Аксютке помогать собрался? С чего бы это выйти должно?

– Думаю, я найду способ, – если раньше недоверие и насмешки царапали больно, как ветви маличника, то сейчас стало уже почти все равно. – С прошлого года времени много прошло.

– Ладно, хуже не будет. Некуда! – Дуня поджала губы, уступая. – В церкву иди. Там она, – бросила женщина и вернулась к своему занятию.

Перекрестившись, Огньяр вошел в церковь, окрашенную алым рассветом. В нос затек сладковатый запах ладана, от которого по обыкновению чуть помутилось в голове. По коже пробежал мороз – верный признак злой волшбы.

В церкви было тихо, как будто внутри и не было никого. Иконостас стоял разрушенным, словно у притвора разгу-

лялся буран. Некоторые иконы были разбиты, некоторые – перевернуты ликами к стене. Царские ворота покосились и больше не препятствовали входу в алтарную часть. Огньяр заглянул внутрь: там, на лавке, закутавшись в большой платок, спала Аксинья. Пробравшись к девочке, знаткой бережно тронул ее за плечо. Она проснулась тут же; бледное личико скривилось – не то от страха, не то от заблестевших в глазах слез.

– Ты Аксинья? – Огньяр постарался говорить как можно ласковее. Девочка кивнула. – А меня Огньяр зовут. Тебя, говорят, лес пытался забрать?

– Не лес, – тихо заговорила Аксинья. Голос у нее был тихий и тоненький – что твои колокольца. – Бисяк проклятый... И сейчас все ходит и ходит вокруг, забрать пытается. Иконы все побил. Ненавидит, говорит, иконы...

– А что за бес? – Огньяр огляделся. Бесовый дух хоть и чувствовался, но не так явно, как при присутствии чертей. – Ты можешь его позвать?

– Не, – Аксинья замотала головой, светлая тонюсенькая косичка закачалась из стороны в сторону. – Прошка сам приходит, когда ему вздумается. Маменька мне крест дала. Он его отгоняет, – девочка вытянула из-под рубахи веревочку с маленьким деревянным крестиком. Распятие выглядело старым и гнилым: видимо, влияние нечисти не прошло бесследно.

– А когда приходит, что делает?

– Да ничего, – девочка всхлипнула. – Когда креста не было, мороку наводил, за собой звал. А сейчас... да ничего, – повторила она, – кругами ходит да шипит только.

– Давай так, – знаткой присел рядом. – Мы сейчас его позовем и спросим, почто мучает тебя.

– А если он меня совсем задавит? – кажется, Аксинышка побледнела еще больше.

– Не задавит. Я рядом буду, – Огньяр постарался, чтобы голос его звучал бодро, но уверенности в нем было не то, чтобы много. А никак та лесная тварь явится, что рогами звенит? Хотя, такую вряд ли Прошкой звали бы. – Давай прогоним беса твоего.

– Правда можешь? – Аксиныня оживилась, но едва-едва. – Но он сам не вылезет, пока ты тут...

– Ничего я слова знаю волшебные. Давай мне руки и повторяй за мной, – Огньяр протянул ей руки. Маленькие, чуть подрагивающие пальчики легли в его ладони. Огньяр поправил иконы, усадил Аксиныю перед иконостасом. Понизив голос, он начал читать заговор, который учил очень-очень давно. Память, на удивление, не подвела; Аксинышка повторяла справно, и вскоре по ногам потянуло холодом – настолько сильным, что впору было надевать валенки, а не лапти. Пальцы Аксинышки в ладонях Огньяра напряглись, и тот сжал их чуть крепче. Гулким эхом отбивались от деревянных крутых сводов величественные слова заклинания. Краем глаза Огньяр заметил движение: за иконостасом бродил кот. Обыч-

ный вроде, черный, пушистый. “Откуда ему в церкви взяться?” – закралась в голову робкая мысль, но Огньяр не обратил на нее внимания, боясь потерять концентрацию. Кот сел неподалеку, обвил передние лапы хвостом.

– Тоже мне – бесогон, – чуть растягивая слова, но вполне внятно произнес он. – Зачин уже не тот все используют. Старомодный ты колдун. Тьфу!

От неожиданности Огньяр вытаращил глаза. Аксиныка тут же схватилась за крест.

– Царство Иисусово... – протянул знаткой, нащупывая под рубахой свой.

– Вообще-то невежливо такие царства при нечисти поминать, – кот выгнул спину, шерсть на загривке встала дыбом.

– Так ты и есть Прощка? – Огньяр присмотрелся к зверю.

– Ну я, и что? Кр-р-расавец – на кота похож, – бисяк поднялся, покрутился вокруг себя, махнул хвостом по полу. – А вы кого ждали-то? Лягуху?

– Ты почто девку мучаешь? – строго перебил его знаткой.

– А не твое дело! – Прощка снова подскочил, выгнулся еще сильнее, но затем окинул Огньяра оценивающим, как тому показалось, взором. – Память у вас, у людей короткая. Тех, кто вас от смерти спасал, из леса помогал выйти и не заплутать – позабыли совсем. А ведь был раньше среди вас колдун – не то, что ты, – Прощка презрительно дернул ухом. Огньяр цыкнул языком. – Он верой и правдой нам служил. Жертвы приносил. Как только в деревне появился, клятву

дал: каждые пять лет по пять человек из деревни да приводить.

Огньяр нахмурился.

– Что, тоже думаешь, что мало? – кот сощурил оранжевые глаза. – Так сколько пальцев на руке было, столько и обещал. Сначала справно все шло. Каждые пять лет по пятеро и уходило: то старики, то дите недоношенное – и в том ничего странного нет. Были и те, кто добровольно к нам приходил. Но как ведун почил, перестали и жертвы поступать в нужном количестве. А это не дело. Вот мы теперь сами забираем, кого нужным сочтем.

Огньяр с трудом сглотнул.

– А ты вообще что за бес? – спросил он. Вышло хрипло. Знаткой прочистил горло. Прошка лизнул переднюю лапу, потом почесал за ухом задней.

– Не помню я, – нехотя признался. – Кажись, суседил где-то. Может и здесь.

– Откуда ж в церкви суседко⁶? – усмехнулся Огньяр.

– А че бы и не быть! – возразил черт. – В заброшенных – так и похлеще водятся!

Огньяр промолчал. Позабытые хозяевами домовые и овинники чахли и со временем становились зловредными духами-шишигами, озлобленными на людской род.

– И к кому ты людей ведешь? – снова спросил знаткой. –

---

⁶ Суседко – разновидность домашних духов, типа домового, но более охотно живущие с человеком

Уж не к рогатому ли чудищу, что в лесу обитает?

– Может, и к нему, – Огньяру показалось, что Прошка совершенно по-человечески пожал плечом. – Мое дело нехитрое – до леса проводить, а потом их там уже другие забирают. Лесовые, русалки.

– И что с ними происходит? – вдруг встряла в разговор Аксинька. Голос ее прозвучал так, будто она и хотела услышать ответ, и одновременно боялась его. Казалось, это понял и Прошка, потому как какое-то время он молчал и лишь колотил хвостом по полу.

– Дак ясно че, – наконец проговорил он. – Силу они свою лесу отдают.

Аксинька снова спала с лица.

– А может, ты и колдуна знаешь, что напасть такую наслал? – Огньяр спрашивал не из любопытства. Найти ниточки колдуна означало распутать проклятье. А может, и найти пропавших. Ведь передача силы не всегда означала неминуемую смерть. Хотя, да – всегда, но – не сразу.

– Напасть? – насмешливо переспросил Прошка. – Вас лес и кормит, и защищает. Думаете, за простое “спасибо”? А колдуна дак что не знать. Волемир его звали.

*****

– Чего бездельничаешь? – Огньяр воткнул топор в пень, на котором рубил дрова и утер пот со лба. День выдался удивительно теплым, словно перед осенинами лето решило еще

раз навестить Крутой Яр.

– Иди, подсоби чертям, – знаткой кивнул в сторону поленницы, где три черта, подпрыгивая и визгливо хихикая, складывали дрова.

– Ага, щас-ка, – Прошка показательно потянулся. – У меня и так работа есть. Мышей гоняй-да, за домом следи-да, шишигам спуску не давай-да. Думаешь, мало? Неа! Полно!

Огньяр скривил губы и снова взялся за топор. Сухие дрова кололись хорошо – аж щепки летели. Их потом можно собрать, купить рыбки да закоптить... Огньяр мечтательно зажмурился. И Прошку можно угостить. Почему-то тогда, в церкви, Огньяру подумалось, что от него может выйти прок. От Аксиньки-то он отстал, но вдруг опять кого в лес поведет? Тем более, что еще две жертвы осталось... Тогда можно будет за ними проследить, да выйти напрямиком к страховидле, что силу из них забирает. Мысль эта знаткого более, чем удовлетворила, и он взял Прошку к себе. Предлагал Аксиньке – у них и домового не водилось, – но отказались. Не поверили, что не изложет. Теперь Прошка только и делал, что валялся на печи, оправдывая это тем, что пожар отводит, и в лес особо не спешил. А может, раскусил Огньяров план. Этого знаткой больше всего боялся.

Да и слова Прошки об обещании кровавых жертв, данных его почившим наставником были пугающими. Если его и вправду дал Волемир, Огньяр очень сомневался, хватит ли у него сил противостоять колдовству опытного и сильного

знаткого. В силе его не было сомнений – у Волемира даже в старости все зубы были на месте. Поэтому Огньяр пошел на поводу у единственной, показавшейся ему разумной мысли: послал весточку Филиппу Егоровичу. Тот хоть и силой великой не владел, знал много-много – уж точно больше, чем беспамятный Огньяр. Но перед тем, как настрочить грамотку, пришлось перебороть себя – победить лихо самому было и бы приятнее, и почести ни с кем разделять не надо было бы. Но, убедив себя в том, что лучше пожертвовать частью славы, чем головой, Огньяр отдал конверт письмоносницу. И начал ждать, надеясь, что Филипп Егорович не откажет, а за это время лес никого не утащит. Прощка хоть и под присмотром был, но наверняка же были и другие, кто детей в лес уводил.

А пока ждал, можно было и бытовыми делами заняться. Черти без присмотра и так норовили то поленницу криво сложить да так, что стоило взять одну чурку – остальные сыпались следом, – то грядки запустить. Они, правда, и без того стояли почти без дела, но Волемир наказывал чертям спуску не давать. Иначе начинали портить жизнь и Огньяру, и всем вокруг, до кого только достать могли: то на корову лишай нашлют – а знаткому потом оправдывайся, ведь все знают, что просто так коровы не болеют, а чертями только он заведует, – то икоткой в бабе какой засядут да начинают глодать.

Закончив с дровами и приведя в сносный порядок грядки, Огньяр отправился на торговые ряды. Глянув в зеркало, он

несколько раз провел гребнем по волосам, прежде чем выйти из дома.

На торговые ряды ходить было одновременно и радостно, и неловко. Каждый раз, когда нужно было купить хлеб или пряники для подношения, Огньяр выбирал чистую рубашку, не вымазанную ягодами или землей, долго стоял перед зеркалом, укладывая самый непослушный вихор. А дело было в Ксеньке, родители которой пекли самую вкусную сдобу, а она стояла с ней на ярмарке. Каждый раз, когда Огньяр видел Ксеньку, на лицо лезла совершенно глупая улыбка, а мысли в голове разбегались, как шишиги при зажженной свече. Однажды – в особо солнечный день, когда и черти не так егозили, и дела на удивление спорились, – он нарвал колокольчиков, которые так подходили под цвет лент в русой косе Ксении, но вручить их ей не хватило духу. А может, дело даже было не в этом – у всех знатких на роду было написано быть сильными, но чрезвычайно одинокими.

Вот и сейчас, Огньяр выбирал калачи, которые аппетитно поблескивали глянцевыми боками на солнце, практически не глядя на них. Но в этот раз голову занимали не укоры в свою же сторону – можно же быть решительнее! – а мысли о лесном чуде. А никак и Ксеньку тоже уведет?..

Но чудо явиться не успело – следующим же вечером приехал Филипп Егорович. Повезло еще, что осень на удивление сухая была, а то дороги бы развезло, и кто знает, когда бы колдун до Крутого Яра добрался. Может, уже и спасать

бы никого не пришлось.

– Как Волемира хоронили? – спросил он с порога. Огньяр даже не успел пригласить его за стол.

– Да по правилам, – младший знаткой начал хлопотать над угощением. Из подпола он достал квашеной капустки, поставил на стол крутую кашу с салом, приготовленную Митяем, да свежкупленные калачи. – Думаете, это он детей ворует и силу из них пьет? Да и почему именно из детей? Прошка говорил, раньше и старики годились.

– Что за Прошка? – Филипп Егорович стряхнул с сапог грязь, прежде чем пройти в горницу. Огньяр даже немного позавидовал: он-то сапог-то в жизни не носил, довольствуясь лаптями до первого снега, да неказистыми валенками, на скорую руку сваленными деревенскими бабами. А у колдуна Лапина о-на какие сапоги – блестят, с желтой строчкой – красивые-е-е, ну явно по городской моде.

– Бес мелкий, – Огньяр оторвал взгляд от ног колдуна. – Детей в болота речами сладкими заманивал.

– Что еще о лесе знаешь? – Филипп Егорович оглядел избу.

– Когда обряд проводил, видел чудище – высокое, черное, с рогами, а вокруг него флейты поют да бубенцы звенят, – Огньяр еще ни разу не говорил это вслух, и сейчас показалось, что прозвучало по-детски наивно. Видимо, об это подумал и Филипп Егорович – Огньяр заметил, как в недоумении дрогнули брови колдуна.

– Хорошо... – колдун сел, взял предложенную чашку с чаем двумя руками. – Думается мне, детей выбирают по тому, сколько у них лет жизни осталось. У кого больше – того и берут. А того, кто в следующем лете, например, утонет – оставляют, на кой они нужны?

От того, как равнодушно говорил Филипп Егорович о жертвах, по рукам Огньяра бежали мурашки, но он оправдывал это тем, что за свою длинную жизнь колдун видел так много злой волшбы, что уже давно перестал чего-то бояться.

– А потому как ты говорил, что жертвы перестали приносить регулярно, – продолжал Филипп Егорович, – надо полагать, что нечисть ослабла, и теперь ей нужно много сил. Возможно, они тянут из детей их медленно, чтобы надольше хватило.

Эти слова внушили Огньяру зыбкую надежду: может, хоть раз он оказался прав, и детей еще можно спасти?..

– А козел? – напомнил он колдуну. – Для него детей собирают? Он и есть Ворса?

– Вряд ли, – тот глотнул чая и прищелкнул языком. – Может, шишига. Лешие обычно подобным не промышляют. Может, и не он вовсе самое большое зло... – Филипп Егорович замолчал, задумался.

“Неужели действительно Волемир?..” – настойчиво стучалась в голову мысль. Это казалось невозможным, но от этого – наиболее вероятным. Но Огньяр же сам его хоронил... Монетки на глаза клал...

– Хочу на захоронение взглянуть, – Филипп Егорович постукивал пальцами по краю чашки. – Недоброе у меня предчувствие...

Медлить не стали, даже чай не допили. Заматывая шею шарфом – ночью то и дело схватывались заморозки, – Огньяр поймал себя на мысли, что отчаянно надеется, что Филипп Егорович неправ. Да, Волемир был человек строгий, жесткий, порой даже жестокий, но... не до такой степени. Не мог он сам упырем обернуться да жизнь из невинных детей выкачивать. Но вторая часть – более вдумчивая, как казалось Огньяру, – была уверена в том, что Филипп Егорович слов на ветер не бросает. Не зря же к нему ажно из города приезжают хвори заговаривать да будущее с прошлым смотреть.

На грядках, гомоня, сновали черти. Одни мазали остатки репы сажей, а другие счищали ее наперегонки. Заметив Филиппа Егоровича, они с визгом разбежались, бросив измазанный черным горшок. Колдун выразительно посмотрел на Огньяра, но ничего не сказал – лишь качнул головой. Огньяр совсем приуныл. “Конечно, куда мне – такому бестолковому, – украдкой вздохнул он. – Даже чертей собственных обуздать не могу...”

Холодная ночь была окутана сотней звуков: совы, охотились на юрких мышей, лесные бесы летали меж разлапистых сосен, придорожные травы что-то шептали, клонясь под порывами ветра. Филипп Егорович шел неспеша, вглядываясь

в темноту, то и дело поднимая фонарь повыше; порой останавливался и разглядывал что-то на земле. В один момент он обратился к Огньяру:

– Слышишь? Как будто из-под земли скребет.

Огньяр не слышал – а может, не мог распознать этот звук среди других, – но в груди тут же похолодело. До кладбища оставалось несколько минут ходьбы.

“На кой черт мы пошли ночью?!” – звоном раздалось в голове.

Филипп Егорович снова всмотрелся во мрак, где силуэтами-столбами раскачивались деревья.

– Спит ваш лесной Хозяин, как Иван на печи, – тихо проговорил он. – Оттого и нечисть разгулялась.

– Не знал, что лешие спят, – пробормотал Огньяр, силясь понять, как колдун это понял.

– Сами не спят. Усыпил кто-то.

Легче не стало.

Со стороны болот медленно потянуло туманом. Сырость пробирала до костей, и, несмотря на то, что оделся он хорошо, Огньяр начал дрожать. И когда из тумана вынырнули очертания могильных крестов, эта дрожь только усилилась. Огньяру пришлось сделать усилие, чтобы рука не дрожала, когда он указывал Филиппу Егоровичу на могилу Волемира. Огньяр не знал, чего ожидал увидеть после слов колдуна: вывороченные кресты? разрытые могилы? землю, пропитанную жертвенной кровью? Но ничего из этого не было.

Лишь на кресте покачивался обрывок белого савана, а земля вокруг могил была испещрена птичьими следами. Они-то и привлекли внимание Филиппа Егоровича. Достав из кармана тканевый мешочек, он рассыпал по земле что-то белое, шевеля губами в заговоре. “Соль”, – догадался Огньяр. Крупные частички упали на землю – и замерцали в темноте красным, точно кровью налитые.

– Ты же знаешь, что это не птичьи следы, а кости обломанные? – посмотрел на Огньяра Филипп Егорович. – Осталось выяснить, кто тут ползает, не наш ли душегубец, – колдун внимательно огляделся. – Если могила не разрыта, значит, другой какой-то лаз есть. Ищи внимательно.

Огньяр повиновался. Ему даже не пришлось быть внимательным, чтобы увидеть подкоп прямо у стены кладбищенской часовни. Даже не спросив, готов ли он, Филипп Егорович подтолкнул его в спину. Лаз был узкий, даже худощавому и юркому Огньяру пришлось приложить усилия, чтобы пролезть. А ведь Волемир был куда крупнее его. А Филипп Егорович – куда старше, ему-то наверняка было еще меньше радости ползать по всяким могильникам. Чуть дальше лаз расширялся; Огньяр смог подняться сначала на четвереньки, затем – идти, пригнувшись, а после – и вовсе выпрямиться.

Коридор привел их не то в грот, не то в пещеру. С земляного потолка коричневыми змеями спускались корни. Тут и там виднелись какие-то холмики. Но страшнее всего были белесые силуэты, которые стояли в тени, покачиваясь, слов-

но на ветру, но Огньяр не чувствовал ни капли дуновения – лишь тяжелый запах мокрой земли и гнили. Подойдя поближе к одному из холмов, он тут же отшатнулся: под плотно сплетенными корнями виднелось тело – иссушенный скелет, обтянутый желтой кожей. На трупе еще были остатки одежды. Вместе с подступившей к горлу дурнотой, Огньяр ощутил некое облегчение: тело принадлежало взрослому, не ребенку. Он оглянулся на Филиппа Егоровича: тот осматривался, перебирая в руках бусины четок с бережными рунами, а губы его шевелились, произнося один заговор за другим.

– Иди сюда, – вдруг позвал он Огньяра. Собрав всю свою волю в кулак, Огньяр приблизился. В отдалении от остальных “могил” лежал Волемир. Череп был частично обнажен, а на голове – Огньяр почувствовал, как ноги стали ватными, – торчали маленькие острые рожки, но это точно был он. Огньяр сам надевал на него эту рубаху – с желтой вышивкой по вороту – перед погребением. Филипп Егорович пожевал губами.

– Что колдунам надо голову отрубать, чтобы не восстали, ты не знаешь?.. – было больше похоже на утверждение, а не на вопрос. Огньяр молчал, разглядывая корни, оплетающие покойного наставника. Но покойного ли?.. Взгляд снова споткнулся о чертиные рога. Вот она – плата за колдовство. Он тоже таким станет?..

– Приглядишься, – от тихого голоса Филиппа Егоровича,

прозвучавшего прямо над ухом, он едва не подпрыгнул. – А корни-то от него идут...

Огньяр склонился чуть ниже – и вдруг слух уловил перезвон колокольчиков, – настолько тихий, что можно было подумать, что его и не было вовсе, – но тело тут же окаменело от ужаса. Филипп Егорович в это время нашел что-то еще: наклонившись, он выдернул из скрюченных пальцев потрепанную книгу.

– Он здесь, – через силу прошептал Огньяр, глядя на колдовской фолиант в руках спутника. – Козел – его это логово. Из детей он силу жизненную пьет, а из Волемира – колдовскую, – кусочки сложились ладно, будто витраж на окошке. – Так что же это за тварь такая?.. У кого ума на такое хватит?

– Если ты прав, источник колдовства надо страховидле перекрыть, – Филипп Егорович пытался рассмотреть книгу, но света было слишком мало.

– И что нам делать?

– Не нам, а тебе, – колдун захлопнул книгу, и этот звук гулом прокатился по пещере. – Ты же хочешь грамотным колдуном быть?

Огньяр молчал. Очень хотелось вдохнуть глубоко, чтобы в голове прояснилось хоть чуть-чуть, но от духоты и запахов стало бы только хуже.

– И что мне... голову рубить? – неуверенно предположил он. – Но нечем же...

С собой у него был только небольшой нож, таким макси-

мум палец отрежешь, но никак не голову.

– Можешь хребет сломать, вот здесь, – колдун указал место посередине шеи. Огньяр облизнул губы, огляделся. Камней было достаточно, но вот сил...

– Ладно, – пообещал что-то сам себе знаткой, подобрал один из камней – тяжелый и острый он охлаждал ладонь. Но стоило только приблизиться к телу Волемира, только коснуться корней ножом – из лаза ринулись на них злобные черти. Филипп Егорович бросил в бесов горсть соли, смешанной с какими-то травами, отрывисто выкрикивая слова заговора. Черти завопили – аж в ушах резануло, скакнули назад, но тут же ринулись на обидчика с удвоенной злобой.

– Быстрее! – рявкнул колдун, распахивая книгу, висевшую на поясе.

Огньяр отмер; размахнувшись, он рубанул со всей силы по корням, впивающимся в тело наставника – и в голове оглушительным перезвоном взорвался бой колокольчиков. Огньяр зажмурился, выронил нож, зажал уши ладонями. Когда он снова открыл глаза, он увидел, как черный туман, словно тянущийся из самой Нави, отрезал его от Филиппа Егоровича. Этот же туман ткал черный балахон, в который была одета фигура с вытянутой рожей и рогами, на которых так же, как и в видении, поблескивали золотые нити.

– Маленький звере-е-еныш, – раздался в голове голос – холодный, как руки покойного. Огньяр чуть опустил взгляд – ног у черта не было, их заменял столб из перекрученных

друг с другом корней. Знаткой лихорадочно перебирал варианты действий. Бежать? Ну куда? В какой стороне лаз? Нет, бежать – не выход... Огньяр потянулся за ножом, но Козел, словно веселясь, мотнул головой, заставляя бубенцы снова залиться “мертвым” смехом. Огньяр отпрянул, выставил руку с ножом вперед.

– Не бойся меня, звере-е-еныш, – зашуршало в голове. Козел вытянул лапу, и из рукава балахона посыпались золотые монеты.

– Я хочу стать твоим дру-у-угом.

Разинув рот, знаткой глядел на монеты, поблескивающие в темноте. Только на одну из них можно было несколько коров купить, а на все эти – и целую деревню. Сквозь звон пробивался чей-то слабый голос, который что-то кричал, но Огньяр, сколько бы не прислушивался, все никак не мог разобраться, что именно.

– Ты хо-о-очешь золота? – поинтересовался мертвый шепот. – Или хочешь, чтобы тебя люби-и-или? Нужно стать моим дру-у-уом...

Огньяр понимал, что сила Козла ему не принадлежит, что он тянул ее из Волемира, но противиться не мог. Рука с ножом медленно опустилась. Такая малость – и его больше никогда не назовут никчемным. Знаткой поднялся, чтобы сделать шаг к черту, но тут воздух сотряс дикий кошачий визг.

Черный кот ринулся между Огньяром и Козлом, выгибая круглую спину и нервно дергая распушенным хвостом. Бу-

бенцы в голове знатного не замолчали совсем, но стихли – и этого оказалось достаточно.

– Девять проклятий тебе, а не дружба! – выпалил Огньяр, и, собрав все свои силы, рванул полуистлевшее тело Волемира на себя, выдирая его из хватки. Но как только корни выпустили его, руки, казавшиеся окостеневшими, потянулись к лицу Огньяра в попытке то ли выцарапать ему глаза, то ли вцепиться в горло. Но Огньяр был моложе, сильнее и главное – живее. Скрутив умертвие, он с силой перевернул его лицом вниз и нащупал выроненный камень. Но как только он занес его, примериваясь, на спину кинулись черти, кусая за плечи, так сильно, что чувствовалось даже сквозь одежду. Их визгам вторил кошачьи вопли; Прошка метался между Козлом и Огньяром, взрывая почву железными когтями. Закричав от злости, Огньяр с силой опустил камень на указанное Филиппом Егоровичем место. Издав невнятный звук – то ли бляения, то ли рычания, Козел звякнул бубенцами – и истаял вместе с туманом. Наступила полная тишина.

Огньяр, стараясь не глядеть на тело перед собой, осмотрелся. Черти тоже исчезли. Филипп Егорович стоял, покачиваясь – битва забрала у него много сил. Прошка сел чуть поодаль и начал вылизывать лапы, растопыривая пальцы.

– Надо тела забрать, – язык еле ворочался. – Похоронить как положено.

– И лаз запечатать, – так же слабо отозвался Филипп Егорович.

– Вы поможете? – Огньяр нащупал нож и побрел к одному из холмов.

– Нет. Ты колдун-хранитель этих земель – тебе и заговоры такие творить, – кажется, Филипп Егорович уселся прямо на землю. Огньяр не стал спорить. Расковыряв корни, он вдруг уловил слабое дуновение. Не веря, он наклонился ниже. В темноте чуть светилось бледное, но вполне живое детское лицо. Огньяр не мог понять, кто это именно, но ребенок совершенно точно дышал.

*****

На то, чтобы высвободить все тела – живые и неживые из древесных пут ушла вся ночь. И, возвращаясь в деревню, Огньяр едва волочил ноги. Но тем не менее, он старался идти ровно, прижимая к груди бесценную ношу – сына пекарши Настасьи, худенького Войко. Личико его было измазано землей, но все равно сразу же в глаза бросалось, какое оно бледное.

– Ничего, – тихо приговаривал Огньяр, механически переставляя ноги, – сначала молока по ложечке, потом мамка хлебушка испечет с горбушкой хрустящей... А потом уже можно и пирожков с салцем...

Рот наполнился слюной, стоило только подумать о еде. Огньяр оглянулся на Филиппа Егоровича. Колдун тоже выглядел помятым – уложенная шевелюра его совсем растрепалась, щегольское пальто и жилет оказались порванными так,

что швеи должны были обладать определенным видом бытовой волшбы, чтобы привести их в порядок.

От деревенских ворот к ним уже бежала толпа: Огньяр отправил вперед Прошку и наказал сделать все возможное, чтобы привести селян. Впереди мелко перебирал ногами староста Ефрем, придерживая шапку; за ним спешила Настасья – едва одетая, без платка, но на это сейчас никто не обращал внимания. Увидев на руках знатного сына, она упала на подмерзшую землю и завывала, протягивая к нему руки. Но ее подхватили под локти, подняли и поволокли вперед.

– Живой, мамаша, – Огньяр передал Войко в руки Настасьи. Та тихо заплакала, оглаживая ладонью щеки сына.

Из живых внизу оставались еще и дети бортника, пропавшие в тот же период, что и Войко. Но, видимо из-за того, что жизни из них вытянуло меньше, выглядели они лучше, Огньяр даже четко слышал их сердцебиение. Их пришлось оставить – ни Огньяру, ни Филиппу Егоровичу не хватило бы сил вытащить троих сразу. И поэтому, как бы они не устали, переодевшись, смыв с лиц и рук грязь и кровь – Огньяр сбился со счета, сколько раз поцарапался об обломки сухих корней, – они присоединились к группе, отправившейся вывозить детей.

И это времени заняло немало: сначала пришлось расширять лаз: худые парни могли пролезть сами, но им не хватало сил вытянуть детей, а мужчины покрупнее застревали в самом начале. Когда все были вызволены, у Огньяра уже не

хватило сил оставаться и ждать, пока достанут тела для захоронения. Нужно было поспать. Тем более, что оставалось еще как минимум одно дело: нужно было запечатать логово лешего, чтобы он не утягивал больше детей. Вряд ли изничтожив источник его колдовской мощи, Огньяр удалось избавиться от нечисти. Скорее всего, та просто затаилась, чтобылизать раны. И, чтобы больше не выползала, нужно было наложить печати, про которые рассказывал по ходу дела Филипп Егорович. Огньяр был благодарен колдуну: об этом он и не догадался бы. И кто знает, когда бы тварь снова выползла на свет божий.

Спал Огньяр так хорошо, как никогда. И, когда он снова был у кладбищенской часовни, он был преисполнен уверенности и сил. Филипп Егорович с ним не пошел – повторил про хранителя земли, напомнил слова заговора, и засобирался в обратную дорогу.

Знаткой расставил свечи, зажег. Опустившись на колени, он начертил на влажной земле, которой деревенские мужики закидали вход в подземелье, колдовскую печать. Осталось самая малость – запечатать его собственной кровью. И пока он жив, и жив его род, навья тварь с козлиной мордой не потревожит ни Крутую Горку, ни земли в тридцать верст округ. Огньяр достал нож, примерился к ладони. Краем глаза он заметил движение: Прощка уселся рядом, щурия оранжевые глаза и помахивая хвостом.

Огньяр размахнулся – и когда лезвие почти коснулось

кожи, вдруг остановился. А правильно ли он все делает?.. Столько усилий – и ради чего? Прожить всю жизнь в деревеньке, где доброе слово да подарки, только если помощь нужна, а все остальное время за глаза кличут чертознаем? А может, надо было взять золото да откликнуться на предложение Козла? Подумаешь – пять человек раз в пять лет. Огньяр бы их сам отбирал. Тех, кто от хвори чах, да совсем не соображал. И тех, кто чах, но соображал – и хотел и себя, и родичей от ноши такой избавить. Вот, кто точно сгодился бы: они только и делали, что из могил упырями восставали, а так силу бы свою во благо отдали. И был бы в Крутом Яре и урожай, и благости другие всякие. А Огньяр женился бы на Ксене. С такой кучей золота жених из него баскúщий⁷ получился бы. Даже внук старосты с лисьим воротником на шубе не ровня. У него таких бы воротников сотня – нет, тыща было бы. И не только у него, у Ксени тоже... Перед внутренним взором встало румяное лицо Ксени. А приняла бы она его такого?.. Да и умрет он – и чего?.. Опять матери и отцы будут детей терять? В ушах зазвучал плач Настасьи.

Зажмурившись, Огньяр полоснул ножом по ладони.

Открыв глаза, он сначала не понял, что произошло. Кладбище и часовня пропали. Над головой разливалось иссиня-черное небо, настолько бесконечное. А под ногами при каждом движении разбегалась такая же чернота, покрытая стожарами. Кажется, кто-то говорил, что они “созвездиями”

---

⁷ Баскúщий, бáский – красивый

назывались. Но Огньяр-то знал, что правильно – “стожары”. А прямо перед Огньяром горела, как пламя, алая печать. Заклятие свершилось. В пустоте Огньяр услышал вздох – будто кто-то ото сна пробудился. И понял – Ворса, Лесной Хозяин, вернулся в свои владения. И на душе стало легко-легко. Печать потухла – и Огньяр снова очутился на кладбище. Но теперь тут было не страшно, не тяжело дышать, как раньше. Кресты стояли не укором, а величественной памятью и знаком божьей милости. Поднявшись, Огньяр перевязал заранее приготовленной тряпицей ладонь, отряхнул штаны и направился к кладбищенским воротам.

– Слушай, – догнал его Прошка. – А давай в ту церкву сходим, откуда ты меня забрал? Мне все покоя не дает, кем же я раньше был... Может, я и не шишига вовсе? – он с надеждой глянул на Огньяра.

– Сходим обязательно. Вечером, – пообещал тот.

У лесной тропинки последним нежным цветом светились колокольчики. Набрал столько, что в одну ладонь не умещались, Огньяр подозвал Прошку и направился в деревню – прямиком к торговым рядам.